

PASTSHOCK или РОКОВОЕ РАССТАВАНИЕ С ПРОШЛЫМ

Солнце свирепое, солнце грозящее,
Бога, в пространствах идущего,
Лицо сумасшедшее,
Солнце, сожги настоящее
Во имя грядущего,
Но помилуй прошедшее!

Николай Гумилев

В 1998 г. западноевропейский журнал объявил конкурс на тему "Освободить прошлое от будущего и будущее от прошлого?". Она меня заинтересовала. Написанное на этот сюжет эссе стало своего рода "сухим остатком" моих раздумий на протяжении полувека творческой деятельности.

1. Итак, не освободить ли нам прошлое от будущего и будущее от прошлого, не избавить ли полюса Хроноса от взаимного притяжения, возведя между ними непроницаемый занавес отторжения и забвения?

Зачем?

Ну, конечно же, чтобы ускорить Прогресс! Мертвые цепляют живых, не дают им развернуться во всю молодецкую удаль и безоглядно рвануть за горизонт - туда, где лежит в ожидании открывателей и завоевателей Земля обетованная. Прошлое, как дряхлый, ни на что уже не способный, но необыкновенно говорливый и мнящий о себе старец, обожает наставлять потомков, навязывая им свои архаические представления и предрассудки. У него бездонная память, и подробно пересказывая события минувших тысячелетий, оно настойчиво требует держать их в голове. Не понимает, что, загрузив мозги этой рухлядью, мы окажемся не в состоянии освоить только сейчас открывающуюся во всем космическом блеске виртуальную реальность и проникнуть мыслью в блаженное будущее.

Любит наш старец живописать свои достижения в строительстве цивилизации, похвалиться вкладом в науки и изящные искусства. Для этого, следует признать, есть кое-какие основания. С другой стороны, он отнюдь не столп благочестия - кровь проливал нещадно, развлекался, проказничал, грешил на все лады, преступая законы Божьи и человеческие. Может быть поэтому, гонимый раскаянием, не устает теперь предостерегать нас, ссылаясь на свой печальный опыт. А это, хотя и бесполезно, но уж слишком раздражительно. Можно представить, насколько ускорится триумфальное шествие прогресса, если удастся избавиться от его старческих нашептываний, смело и размахисто двинуться вперед, не заглядывая поминутно в Энциклопедию в поисках одобрения и положительного примера. Мы ведь прокладываем путь в неизведанное, так чего ради оглядываться!

Правда, вырвавшись на волю, не избежать угрызений совести, какие испытывает блудный сын, покидая родительский дом и не обещая взять на себя уход за могилами. Однако и совесть замолкнет, когда ей укажут, что у прошлого свой резон желать освобождения от будущего, что эта операция ко взаимному благу. Разве не заманчиво избавиться от роли преступника, перманентно находящегося под следствием, или трупа под ножом патологоанатомов, пытающихся установить, какими покойник страдал недугами и от чего отдал концы? Перестать служить каталогом великих мыслей и изречений, бессовестно присваиваемых нынешними бездарными ораторами. Защититься от неутомимых археологов, разрушающих гробницы в поисках мумий, пергаментов и черепков, от честолюбивых бакалавров, стремящихся проложить путь к славе, переписывая летописи на свой лад.

Словом, и у будущего, и у прошлого есть свои причины, если не разойтись, то по крайней мере взаимно отстраниться, перестать жадно и пристально вглядываться друг в друга, отказаться от плотной взаимной опеки. **Но возможно ли это?** Под силу ли человеку, не лежит ли за пределами отпущенной ему Провидением воли к власти, к устройству жизни по своему разумению, вкусу, капризу? **Не кощунственна ли сама попытка прервать связь времен?**

Не будем торопиться с ответом, ограничимся пока тем, что сама эта связь ad definitio

предполагает как единение, так одновременно и разъединение. Новое, получая заряд энергии от старого, уходит в отрыв. Но и старое не остается на месте - отталкивается, как выхлопная струя ракеты, окутывается дымкой забвения;

Прошлое подобно фундаменту, который держит на себе здание цивилизации. Чем выше оно возносится, тем труднее фундаменту нести на себе его тяжесть - он оседает, гнется, уходит в землю, угрожая обвалом всему сооружению.

Само прошлое не бесконечно, если не иметь в виду мертвую природу. Около миллиона лет длится эволюция человека, но всего несколько тысячелетий назад он обрел свой нынешний вид. Природа, или Бог, или Цивилизация - праматерь, удовлетворенно взглянув на дело своих рук, решили, что нет смысла опекать его дальше - способный самообучаться, он достаточно прочно стоит на собственных ногах и сумеет за себя постоять в борьбе за существование. Уже к эпохе образования ранних, речных цивилизаций человек сложился таким, каков он по сей день. С той веи имеет смысл вести отсчет прошлого в соотношении с настоящим и будущим, оценивать его относительную роль в круговороте времени.

Опьяняемые собственным всемогуществом, способностью в считанные часы покрывать огромные пространства, передавать мысли и изображения на межпланетные расстояния, создавать электронный мозг, черпать энергию из атома, заменять уставшие биться сердца и творить другие чудеса, мы верим, что цивилизация всем обязана научно-технической революции истекающего XX и в какой-то мере XIX столетия. До этого люди, за малыми исключениями, жили как пращурь: ездили на лошадях, плавали под парусами, готовили пищу и обогревали жилища, сжигая дрова и уголь, умирали молодыми от легкой простуды.

Но если по справедливости взвесить долю каждой эпохи в достижениях цивилизации, нашему замечательному веку следовало бы по чести отвести пять, ну десять процентов, потому что все устои современного общества - Государство, Закон, Семья, Религия, Мораль - были смоделированы и сработаны в безмашинном, бескомпьютерном прошлом. Тогда же были заложены начатки философии, науки, литературы и искусства, но свое величие они приобрели позднее - это все-таки заслуга нового времени. А вот устои, на которых, как на плечах мифических титанов, держится весь мировой порядок, остались в основе своей произведением старины.

Чем объяснить эту могучую вспышку интеллектуального гения у людей, едва вышедших из состояния дикости? Мне кажется, у них просто не было иного выхода. Строя на чистом месте, они вынуждены были все это придумать, чтобы выжить. Не осилив они эту задачу, нас бы сейчас не было, человек вернулся бы в пещеру, в животный мир. Сейчас их называют древними, **в действительности древние - это мы, теперешние**. Если вести отсчет от Рождества Христова, каждому из нас к своему возрасту следует прибавить еще 2000 лет. Мы обладаем бездной информации, накопленной за минувшее время, но это они, совсем юные по "историческому измерению", создали ту систему (организацию, структуру, порядок, правила общежития), которая держится по сию пору. И альтернативы ей на горизонте не просматривается.

Как, однако, ни величественно прошлое, его трагедия в том, что оно прошло, не располагает средствами самозащиты, всецело во власти сотворенного им (сознательно или по ошибке) будущего. Тотальность этой власти, пожалуй, лаконичней всего выражена в раздумье Гамлета над судьбой черепа Александра:

"Пред кем весь мир лежал в пыли,
Теперь затычкою в щели".

Каждое поколение отчаянно стремится сообщить потомкам как можно больше сведений о себе, веря, что таким образом надолго, если не навечно продлит свое зыбкое присутствие в этом мире. Но вещные послания старины подвергаются неумолимому разложению, как их ни беречь, а духовные заветы предаются забвению. Посетовав на бренность царственных могил и статуй, Шекспир уверял свою "леди сонетов", что "врезанные в память письма грядущие столетья не сотрут". Только много ли их, помнящих нынче эти бессмертные строки? И мог ли он предположить, что ухитрятся поставить под сомнение даже авторство его трагедий?

История, заметил Бальзак, подделывается в тот самый момент, когда она делается. Участники событий, даже если их всего двое, придерживаются каждый своего мнения о случившемся. Не было и вероятно не будет ни одного эпизода в жизни человечества, который был бы однозначно оценен современниками и потомками. Иначе говоря, история - это то, что мы о ней думаем. Разумеется, цепь событий, запечатленная в памятниках, может быть описана с большей

или меньшей точностью. Но не столько понята, сколько интерпретирована, истолкована, потому что *понять историю - значило бы закрыть ее.*

Пока род людской существует, он творит свою биографию, сознательно или бессознательно реализуя какие-то расчеты и вожеления. Конечный смысл и цель этого процесса равнозначны его итогу. Они откроются лишь некоему внешнему наблюдателю (если таковой найдется) на руинах цивилизации, когда закроет глаза последний землянин. Как в хитроумной пьесе, смысл которой раскрывает лишь последняя реплика героя. До той же поры люди упражняются в догадках и дают волю воображению, пытаясь с помощью современных детективных технологий установить, действительно ли Фаэтон упал на Солнце, а Атлантида погрузилась на океанское дно; состоялся ли всемирный потоп; насколько достоверно, что Цезарь построил мост через Рейн; был Ричард III кровавым злодеем или жертвой оговора; куда девалась янтарная комната Царскосельского дворца; кто убил премьера Пальме и президента Кеннеди.

А там, где недостает фактов, - неограниченный простор для домыслов и фантазий.

Но все это сравнительно безобидные игры. Прошлое становится жертвой бессовестного и беспощадного насилия, когда его подгоняют под политический интерес. Литературные образцы такого издевательства оставил Оруэлл в "1984" и особенно в "Скотном дворе". Увы, история о том, как трусливый боров "Наполеон", став диктатором, был объявлен народным героем, в разных вариациях многократно повторялась и, надо думать, будет повторяться в жизни.

Нельзя, конечно, винить всех подряд в злонамеренном искажении прошлого. Немало подвижников стремилось scrupulously восстановить истинную картину минувшего и извлечь из нее полезные поучения. Искажения бывают подчас следствием неумышленной ошибки. Но чаще все-таки происходят от корыстного расчета. У нас историк Михаил Покровский подвел под произвольное судилище над прошлым своего рода теоретическое обоснование: "История - это политика, обращенная в прошлое". Соответственно, история Государства Российского излагалась в школьных и вузовских учебниках, в исследованиях и романах как того требовали каноны марксистско-ленинской идеологии. Что не поддавалось подгонке - вычеркивалось. Многие незаурядные фигуры российской политики, философии, искусства были изъяты из общественного сознания, словно их вовсе не существовало. Лишь при Горбачеве, с провозглашением гласности, их имена и мысли начали возвращаться на родину.

Увы, маятник нетерпимости не замер на срединной отметке, привычно качнулся в другую крайность. Теперь пытаются взять реванш, вырубив из памяти народной три четверти века, прожитых страной при Советах, свести все наследие революции, потрясшей мир, к ГУЛАГу и процессам 1937 года. Словно не было превращения России в одну из двух супердержав, бесплатного всеобщего образования и здравоохранения, первого спутника Земли и первого космонавта, открытий в науке, новаторства в искусстве, породившегося и верой в коммунизм, и коммунистической ересью.

Речь ведь идет об уникальной попытке построить на Земле царство свободного труда. И многие открытия на этом пути, и причины трагического исхода "социалистического эксперимента" заслуживают беспристрастного анализа. XXI век не застрахован от революций и реформ, как и XX-ый. Печально, если он окажется тупым учеником и повторяет ошибки, за которые уже дорого заплачено, а при повторении придется платить безмерно дороже.

Прошлое не безмолвно, оно говорит с нами, убеждая и доказывая свою правоту, пытается достучаться до наших сердец, иногда истошно вопит от бессилия, невозможности быть услышанным и правильно понятым. Ему остается только утешаться тем, что будущему за глухоту рано или поздно придется расплачиваться. Пренебрежительное отношение к прошлому, высокомерное игнорирование его заветов, не говоря уже о злокозненном искажении минувших событий, подгонке их под сиюминутную выгоду, не проходят бесследно. Передергивание истории - всегда самообман, загоняющий в ловушку. Но тот, кто на коне, кто повелевает живыми, будь он хоть халиф на час, присваивает себе право судить мертвых и редко задумывается о возмездии - разве только в минуту душевной слабости, в темных и мрачных сновидениях.

Итак, ответ на первый вопрос должен быть отрицательным: **прошлое не может освободиться от будущего**, напроць к нему привязано, всецело от него зависит. Единственное, чем оно могло бы относительно обезопасить себя, - это постараться произвести лучшее будущее, более благоустроенное и справедливое, способное сострадать ушедшим, хранить их память. Так родители, заботящиеся о воспитании добронравных детей, гарантируют себе ухоженную старость

и благоговейное отношение post mortum.

Но если нас ожидает худшее будущее, с тотальной враждой, тиранией и нищетой, прошлое может подвергнуться такой кастрации, так изуродовано, что его уже невозможно будет восстановить в первоизданном виде. Вероятно, в предчувствии такой катастрофы, склоняясь перед "железной поступью истории" и смирясь с тем, что настоящее будет безжалостно брошено в топку грядущего, русский поэт Николай Гумилев просил помиловать прошедшее.

2. Вслед за вопросом: "**можно ли?**", требует ответа еще более важный вопрос: "**нужно ли?**" Поможет "изменить мир к лучшему" (из рекламного листка фирмы Филиппе) или, напротив, подтолкнет к гибели, лишит опоры, которую мы находим в заветах предков, и надежды, которую связываем с потомками?

Прошлое всегда во власти будущего, будущее, напротив постоянно освобождается от прошлого - в этом, собственно говоря, его предназначение. Но если таков порядок вещей, если все предрешиено "объективными законами общественного развития", стоит ли беспокоиться?

Стоит. История движется не сама по себе. От нашего разума, выбора, воли зависят во многом и ритм, и результат загадочного превращения дня вчерашнего в день завтрашний. Мы не стадо, ведомое небесным пастырем по заранее начертанному маршруту, и если спотыкаемся, падаем лицом в грязь, топчемся на месте, то большей частью из-за того, что творим историю интуитивно, а главное - несогласованно.

Прошлое уже ни за что не отвечает, будущее - еще, вся ответственность лежит на живущих, от них зависит, быть миру или не быть и каким ему быть. На рубеже двух тысячелетий наступает момент, когда у людей не остается права на ошибку. Не столько потому, что на нас с нарастающей скоростью катится вал перемен, грозящий, по определению Олвина Тоффлера, вызвать потрясение от встречи с будущим, сколько потому, **что мир с чрезмерным, недопустимым ускорением порывает с прошлым.**

Pastshock намного опасней, чем futureshock.

"Можно ли знать, что будет десять поколений спустя? - спросили у Кун-цзы (Конфуция) ученики. Учитель ответил: "Династия Инь унаследовала ритуал династии Ся; то, что она отбросила, и то, что она добавила, - известно. Династия Чжоу унаследовала ритуал династии Инь; то, что она отбросила, и то, что она добавила, - известно. Поэтому можно знать, что будет при преемниках династии Чжоу, хотя и сменяют друг друга сто поколений известно. Поэтому можно знать, что будет при преемниках династии Чжоу, хотя и сменяют друг друга сто поколений известно. Поэтому можно знать, что будет при преемниках династии Чжоу, хотя и сменяют друг друга сто поколений"

¹ "Древнекитайская философия. М., "Мысль", 1972, с.145.

Идея преемственности выражена здесь досконально. Что-то отмирало под луной, что-то зарождалось, но эти изменения поддавались предвидению, поскольку происходили в заданных, predeterminedных рамках системы - поднебесной империи как вечного космоса китайской цивилизации. Причем не имел особого значения знак, с каким происходили перемены. Они затрагивали столь ничтожную часть традиционного ритуала, что никоим образом не подрывали устоев, не покушались на почитаемый тысячелетиями закон судьбы.

А что сказал бы учитель Кун, окажись он в нашем времени? Дерзнем предположить, что будучи любителем странствий он одобрительно отнесся бы к возможности передвигаться на моторных экипажах, летать над облаками и снимать свежую информацию с голубого экрана. Как патриоту, ему не могли бы не импонировать целостность и могущество китайской державы, установленный в ней четкий административный порядок и сохраняющийся в целом ритуал почитания старших. Вероятно, более всего пришлось бы Учителю по душе, что власти почитают долгом заботиться не только о хлебе насущном, но и о воспитании и обучении народа. Китайский мудрец, говоря современным языком, был поборником всеобщего народного образования.

Можно предположить, что и другие "отцы основатели цивилизации" вряд ли испытали бы шок от встречи с чудесами современной техники. Их трудно было бы удивить тем, что люди по-прежнему воюют и додумались до создания абсолютного оружия: ракетные установки можно принять за усовершенствованные камнеметательные машины, а ядерный взрывы - за молнии Юпитера. Компьютеры - за счеты, тоже усовершенствованные. Не будут они ошеломлены, узнав о посещении человеком Луны и погружении на океанские глубины - это описано в романтических мифах, есть недурные чертежи Леонардо, хватало и "экспериментов" на манер Свифта и Сирано де

Бержерака. Чему уж тут особенно удивляться! Вполне возможно, наши мудрецы, за неделю-другую освоившись с принципами устройства хитроумных современных приборов, с энтузиазмом подключились бы к миллионам болельщиков, следящих за перипетиями мирового футбольного первенства, и стали охотно раздавать интервью телекомментаторам.

Настоящее по части технических чудес не настолько оторвалось от прошлого, чтобы в одночасье привести предков в изумление. А вот побудь они у нас в гостях подольше, присмотришься к беспорядочной суеде дымных мегаполисов, к спазматическому дыханию истощенной природы, почувствуй нервную, болезненную напряженность жизни современного человека, то, пожалуй, действительно испытали бы шок и задумались: стоила ли игра свеч?

С количественной точки зрения всякий переход от прошлого к будущему может быть измерен *балансом потерь и приобретений*. Казалось бы, чего проще: приобретений больше - выиграли, потерь больше - проиграли. На деле задача невероятной сложности, ибо неясно, что именно считать приобретением, а что потерей. Все зависит от системы ценностей и предпочтений, положенной в основу исчисления. Что ценнее - чистый воздух, реки, полные рыбы, чащи лесные, еще не слышавшие электрической пилы, или автомобиль, пастеризация, антибиотики? Средний срок жизни человека теперь в два-три раза больше, чем несколько веков назад, но стал ли он счастливее от своего долголетия? *Когда* было интереснее, радостнее, полнее жить - в Афинах времен Перикла, во Флоренции при Лоренцо Великолепном, в Багдаде Харун ар Рашида, в социалистическом Советском Союзе, в одной из современных благополучных стран "золотого Запада"? Кому было лучше жить там и тогда?

Что тут сравнивать! - возразит прогрессивно мыслящий читатель. Как можно не радоваться тому, что человеческий гений расщепил материю, проложил путь к звездам, проник в механизм гена, создал робототехнику, находится на пороге клонирования человека и подбирается к "живой воде", к бессмертию. Только обскуранты способны лить слезы по милой их сердцу старине со всем ее убожеством, противиться наступлению новой эры, обещающей небывалый, немислимый расцвет человека в информативном обществе.

К тому же, собиратели антиквариата и даже никому не нужного хлама могут утешиться тем, что в бездонных ячейках памяти вычислительных машин хватит места для любых сведений, поступивших в обращение от пресловутого Мафусаила до наших дней. По свидетельству специалистов, вскоре станет возможным носить с собой компьютер размером со спичечной коробок, содержащий сумму всех знаний, накопленных человечеством.

Проблема, однако, в том, что в отличие от компьютера человеческий мозг не в состоянии воспринять и творчески усвоить нарастающий поток информации. У него не останется иного выхода, как часть за частью отсекал устаревшие сведения, то есть решать ту самую задачу, какую мы исследуем - *освободить будущее от прошлого*.

Не приходится гадать, чем при этом будут жертвовать, что пойдет в утиль, в отходы, в лучшем случае - опустится на полки подземных хранилищ, будет предоставлено грызущей "критике мышей". Такой процесс совершается испокон веков, он набрал в последние два-три века курьерскую скорость и наверняка получит дальнейшее ускорение.

Испанский драматург Лопе де Вега сочинил несколько сотен пьес. В наше время на сценах изредка ставят две из них: "Хозяюку гостиницы" и "Овечий источник". Все прочее начисто забыто. Такая же участь выпала на долю многих других плодовитых сочинителей, даже из числа тех, кто в свое время пользовался шумным успехом. Как бы ни принимались те или иные произведения в момент своего появления на свет, годы и десятилетия выносят свой приговор, отбирая крупницы истинного искусства, отбрасывая подделки, халтуру, шлак.

Иными словами, в литературе шел и продолжается жестокий естественный отбор. Это нормально, с этим ничего не поделаешь, да и не нужно что-то делать. Никому ведь не приходит в голову сокрушаться по поводу барака, который сносят, чтобы возвести на освободившемся месте каменный дом. Тысячи вещей создаются, чтобы послужить какое-то время и быть замененными на нечто лучшее. Прижимистый хозяин еще подержит старье в сарае, пока наследники, позубоскалив по поводу его скупости, не отправят хлам на свалку. Не боясь быть обвиненными в цинизме, спросим: а чем средняя книжонка лучше того же барака, дивана с вывороченными пружинами пли дырявого костюма? Умирают люди, умирают и книги.

Но вот незадача: на определенном этапе *человечество стало производить намного больше ценной художественной продукции, чем оно в состоянии потребить*. Дальновидные

умы подняли тревогу: в результате случайного чтения люди, забрасываемые новинками, будут проходить мимо шедевров. Нашли выход в издании специально подобранных библиотек мировой классики. Такое издание по почину Максима Горького было предпринято и у нас. В 60-70-е годы его повторили в количестве 60 томов. Из произведений Льва Толстого туда были включены "Война и мир" и "Анна Каренина". В следующем издании места для "Анны", видимо, не останется.

Ну а полное собрание классики составит несколько тысяч томов. Если читать в день по книге, отложив все прочие занятия, понадобится полвека, чтобы его проглотить. Разумеется, сроки жизни удлинились, культивируются методы интенсивного поглощения информации. Но вес это не имеет принципиального значения - возможности человеческого мозга неограниченны.

Кроме того, люди не могут жить без новой, современной им литературы, помогающей хоть как-то разобраться в суеде и безумии повседневности, вооружающей опытом выживания и удовлетворяющей неистребимую потребность в зрелище и новостях. Эта "свежая" литература, не обладая достоинствами классики, агрессивно подает себя под грифами бестселлеров, зазывает яркими обложками с изображением стреляющих суперменов и обнаженных красоток, теснит с видных мест на полках магазинов старинные фолианты, пока вовсе не сталкивает их в подвал. И не повинить в этом книгопродавца, вынужденного потрафлять господствующему вкусу, если он не хочет разориться.

На духовном рынке, как и на материальном, только один повелитель - Спрос. А вольного человека, усвоившего свои гражданские права, не усадишь насильно поглощать тягучие гекзаметры Гомера, следить за перемещениями душ на этажах Дантова загробного царства, искать смысл жизни с Фаустом, терзаться нравственно с Алешей Карамазовым и проливать слезы над участью несчастной Девы. Его все труднее завлечь даже сыскными импровизациями Шерлока Холмса и фехтовальными терциями д'Артаньяна. Герои нашего времени, по крайней мере на ближайшее десятилетие, не Чайльд Гарольд и Евгений Онегин, не Гагарин с Армстронгом, даже не мать Мария и не Че Гевара. Это - Арнольд Шварценеггер и Чак Норрис. Неплохие парни. Но все же...

Едва ли не с каждым годом сокращается число постановок шедевров драматургии, оперной и симфонической музыки. Таеет круг энтузиастов, ценителей и хранителей великой культурной традиции. С непостижимой беспечностью, чуть ли не с веселым разбойничьим гиком, под рокот поп-музыки *настоящее помогает будущему освободиться от прошлого.*

Кстати, там немало такого, от чего действительно следовало бы избавиться. Но по этой части дело идет туго. Давайте не обманывать себя: проще расстаться с Шопеном и Моцартом, чем с ядерными арсеналами, вооруженными конфликтами, терроризмом, наркотиками и СПИДом. Этот смертоносных багаж XXI век получит от своего предшественника в полной сохранности. А «Трех сестер» или «Кошку на раскаленной крыше», вполне возможно, последние могикане культуры будут конспиративно ставить у себя в подвалах, плотно затянув окна шторами, как первые христиане разыгрывали в катакомбах сцены из Библии, укрываясь от римских соглядатаев.

Не слишком ли мрачная картина, нет ли здесь преувеличения? Конечно, есть, если иметь в виду, что в Париже все еще распахивает двери "Комеди Франсес", а в Милане - "Ла Скала", заполнена посетителями Мюнхенская Пинакотека, Московский Большой балет гастролирует в Токио, европейская и американская элита встречает овациями великую певческую троицу - Доминго, Паваротти, Каррераса и неподражаемую Кабалье. Нет, рано еще исполнять тризну по культуре! Но страхи и предостережения алармистов не покажутся проявлениями паники, чуть ли не истерики, если призадуматься о неминуемых последствиях расставания с прошлым, которое разворачивается на наших глазах.

Давно признаны негодными попытки унифицировать сознание. Возможность выбора согласно природным склонностям и вкусу, эта предпосылка многообразия индивидуальностей и талантов, позволяла до сих пор человеческому роду умножать свой коллективный разум. Между тем, стремительно углубляющаяся специализация формирует кланы профессионалов, у которых свой словарный запас, можно сказать - свои языки, непонятные прочим смертным. Если так пойдет дальше, через век-два люди вынуждены будут общаться при помощи перевода не с английского на немецкий или с русского на арабский, а с "математического" на "медицинский" и с "аграрного" на "юридический". Единственное, что способно помешать новому фатальному разобщению, - общность гуманитарной культуры, язык искусства. - Однажды мы отправились в ресторан отметить завершение международной конференции. Все подвыпили, и один из русских, не

знавший иностранных языков, завел оживленную беседу с итальянским коллегой. Заинтересовавшись, я прислушался. Они хлопали друг друга по плечу, закатывали глаза, поднимали большой палец и говорили: Микеланджело - О! Пушкин - О! Травиата - О! Борис Годунов - О!

Беда грозит не одному искусству, не одной гуманитарной "ипостаси" цивилизации, но и другой, технической. Каждый, кто хотя бы любительски занимается компьютером, раньше или позже ловит себя на раздражительной мысли: разыскиваю нужные позарез данные, запомню, что они "пылятся" в одном из файлов, загруженных в брюхо машины. Правда, опытный вычислитель не допустит такой оплошности, он тщательно "пошарит" на полках своей чудо-машины, а уж потом возьмется разыскивать нужную информацию в Интернете. Проблема, однако, в том, что *сочиняющий, изобретающий, творящий человек не всегда знает, что именно искать.*

Новаторство пропорционально объему удерживаемых в голове знаний, позволяющих сопоставить то, что до сих пор никому другому не пришло в голову. И если будущие новаторы предпочтут не отягощать свой мозг сведениями, которые кажутся излишними, - зачем, когда под рукой компьютер? - их шансы на открытия будут сокращаться пропорционально удерживаемым в памяти знаниям. Не случайно компьютеризация, принеся колоссальный эффект в упорядочении экономических и финансовых расчетов, ставшая неоценимым помощником в моделировании, виртуальных развлечениях и многих других человеческих занятиях, не принесла столь же внушительных результатов в фундаментальных исследованиях. Компьютер не заменил Галилеев. Кеплеров, Ньютонов, Ломоносовых, Эйнштейнов, и пока к его творческим подвигам относится лишь победа над Каспаровым. Но, может быть, изобретательский взлет "машинного ума", а с ним и второе дыхание всей цивилизации впереди?

3. Остается год до скончания XX века. Этот рубеж побуждает задуматься: что там нас ожидает? А "загадку будущего" не разгадать, не разгадав прежде "загадку прошлого", не оценив, *с каким знаком войдет в историю уходящий век, какое наследство оставит своему преемнику.*

Могут возразить: что тут гадать, вот он лежит перед нами во всем своем великолепии и бесстыдстве. Со сверхскоростной авиацией, высадкой на Луну, зеленой революцией, автомобилем, телевизором, сотовым телефоном, сексуальной революцией и торжеством демократии. С двумя мировыми войнами, ядерным оружием, фашизмом, тоталитаризмом, терроризмом, наркоманией и алкоголизмом. Жестокий, как ХУ1-й век, блистательный, как ХУП-й, просвещенный, как ХУШ-й, деятельный, как XIX-й. И сверх того - изменивший мир больше, чем он изменился за всю прошедшую бездну времени.

Мы знаем о нем почти все, за исключением самого важного: стал он венцом прогресса или, напротив, началом упадка, отступления с занятых до сих пор позиций? Невозможно представить альпиниста, не отдающего себе отчет, какой путь он проделал за прошедший день - шел в гору или спускался с нее. Между тем, мы находимся именно в таком неведении.

Что может быть плачевнее оптимиста, который уверен, что приближается к цели, а в действительности удаляется от нее, рассчитывает, что впереди его ждут лучшие времена, а на деле доживает последние дни? Не в лучшем положении и пессимисты, убежденные, что мир катится к катастрофе. Ведь если пророки "судного дня" ошибаются, значит они беспричинно угнетают свой дух, лишают себя надежды, вдобавок своим карканьем отравляют жизнь другим.

Словом, нет сейчас ничего более важного и для науки, и для политики, и для общего нашего мироощущения, чем ответить на вопрос: *продвинулось человечество в XX веке вперед или попятилось назад?*

Диалектически мыслящий читатель сходу скажет: то и другое. В одних отношениях прогресс, в других - упадок. И будет прав. Постоянно обновляясь, общество что-то приобретает, а что-то теряет. Но ведь это не уравнение с нулевой суммой. Как игрок, отошедший от рулетки, или спертую смен, участвовавший в состязании, отлично знает, выиграл он или проиграл, победил или потерпел поражение, так и человечество, подводя итог прожитой эпохи, должно попытаться понять, идет оно "на ярмарку или с ярмарки". Если с ярмарки, то потому ли, что это предопределено, Другой путь заказан, или по собственной глупости, в результате ошибочного выбора? Если в результате ошибки, то не поздно ли ее исправить? Если не поздно, то на что именно ориентироваться?

"Загадка XX века" - не пища для праздной игры ума. Это жизненная проблема, без решения

которой невозможен выбор рациональной стратегии на будущее. И решить ее можно только на *глобальной основе*, ибо всякое частное мнение - откровение гения, вердикт науки, убежденность целого народа и даже вера половины населения земли - будет неполноценным, ущербным, однобоким.

Но как вынести *общее суждение о состоянии многообразного мира*? Казалось бы, логичней всего взять за основу положение человека. Однако, при огромном прогрессе цивилизации, ее блага (долголетие, образование, здравоохранение, комфорт и т.д.) распределялись весьма неравномерно, а в конце века зона периодических всплесков голода охватывала от 800 млн. до 1 млрд. человек. Можно ли, *уместно* ли вывести некую среднюю человеческую участь и взять ее за критерий оценки века?

Больше того. Имея в виду вполне благополучного человека из "золотого миллиарда" (так модно называть жителей развитых стран), следует спросить, перевешивают ли упомянутые блага цивилизации ее "отходы" - загрязнение среды обитания, "ядерный меч" над головой, прогрессирующую криминализацию? Можно ли с уверенностью утверждать, что наш современник априори счастливее своего предка, жившего где-то в предшествующих веках?

И все-таки задача поддается решению, критерий, годный для объективного измерения итогов XX века, существует. Это - *творческая сила человека*. Пока она на подъеме, нет нужды беспокоиться - будет найден выход из всех ловушек, которые расставляет нам Вельзевул. Наступит спад этой силы, начнется "элоизация" и "морлокизация" людей (по Г.Уэллсу) – печальный исход станет неизбежен. Вот тогда действительно замаячит "конец истории", ошибочно отнесенный Фукуямой к концу XX-го века.

Не возвращает ли нас это в заколдованный круг? Ведь о творческой энергии людей, их изобретательности, воображении, способности благоустраивать свою жизнь, грубо говоря, двигаться вперед, можно судить по достижениям естествознания и техники, а можно и по состоянию искусства, философской мысли. Примем за аксиому, что оба основных компонента культуры, материальный и духовный, равноценны и взаимозависимы. Каждый из них может какое-то время существовать автономно и даже развиваться за счет накопленной внутренней инерции. Но если другой "буксует", деградирует - раньше или позже неизбежен общий упадок. И поскольку по "технической линии" прогресс пока очевиден, следует выяснить, как обстоит дело по "линии гуманитарной". Опять-таки, и об этом можно судить по-разному. Например, по уровню грамотности, численности "занятых" в сфере творчества, потребителей их продукции. Подбив сумму, даже компьютер ахнет от удовольствия и назовет уходящий век венцом духовного прогресса. Но если мы не хотим уподобиться анекдотическому секретарю писательской парторганизации, который с гордостью констатировал, что раньше в Тульской области был один писатель, Лев Толстой, а теперь целых пятьдесят, нужно избрать другой критерий. И, на мой взгляд, им как раз должна стать *способность человечества порождать гениев*.

Это вовсе не означает какой-либо недооценки созидательной роли нормального, "среднего" человеческого материала, возведения пресловутого "сверхчеловека" в единственного субъекта исторического процесса. Просто гении - это люди, наделенные от природы даром аккумулировать интеллектуальную работу своего поколения или даже целой эпохи и открывать новое. Без них оказался бы невозможен прорыв на очередные этажи умственного и духовного развития. Вот как в полушутку, вполусерьез выразил эту мысль Гете: "Сотворить из простейших элементов нашу пошлую планету и из года в год заставлять ее крутиться в солнечных лучах - вряд ли бы это доставило ему (Богу) радость, не задумай он на сей материальной основе устроить питомник для великого мира духа. Так этот дух и донныне действует в высоких натурах, дабы возвышать до себя природы заурядные"

На что можно рассчитывать в этом смысле? Всемирное значение русской литературы, как одной из вершин духовного творчества, общепризнано. Если исходить из того, что жизнь художника длится около трех-четырех десятилетий, в каждой трети XIX века творили одновременно несколько гениальных писателей и поэтов. В первом поколении эта эпопея представлена А.С.Пушкиным (1799-1837), М.Ю.Лермонтовым (1814-1841), Н.В.Гоголем (1809-1852). Им на смену приходят И.С.Тургенев (1818-1883), Ф.М.Достоевский (1821-1881), Л.Н.Толстой (1828-1910). Последняя треть века и первая часть XX столетия озарены гением А.П.Чехова (1864-1904), А.М.Горького (1868-1936), А.А.Блока (1880-1921), В.В.Маяковского (1893-1930), С.А.Есенина (1895-1925), М.А.Булгакова (1891-1940), А.А.Платонова (1891-1954).

Словно исчерпав запас природных богатств, приливная волна все реже выносит на поверхность жемчужины высшей пробы, катит бисер, а там - гальку и песок. С М.А.Шолоховым (1905-1984) уходит последний русский классик.

К этому перечню можно добавить много имен из прошлого века (И.А. Крылов, Ф.И.Тютчев, Н.А.Некрасов, М.Е.Салтыков-Щедрин, И.А.Гончаров, А.Н.Островский, А.К.Толстой) и немало из нынешнего (от И.А.Бунина, М.А. Волошина, А.Н.Толстого, Н.Г.Гумилева, А.А.Ахматовой, М.И.Цветаевой, Л.М.Леонова, А.Т.Твардовского, Б.Л.Пастернака, Э.О.Мандельштама до наших современников - А.И.Солженицына, В.Г.Распутина, Р.Г.Гамзатова ...). Вообще, оценка художественного творчества - дело тонкое, окрашенное личными вкусами. Поэтому я намеренно ограничился "звездами первой величины", стоящими выше пристрастий. Теми, кого ставят в ряд с Гомером, Шекспиром, Сервантесом. Таких "властителей дум" на все времена у нас сейчас нет. Та же тенденция обнаруживается в других сферах творчества. Русская музыка XIX века представлена "созвездием" - М.И.Глинка, П.И.Чайковский, М.П.Мусоргский, Н.А.Римский-Корсаков, А.П.Бородин. На стыке двух столетий-А.И.Глазунов, С.В.Рахманинов, А.И.Скрябин. Мир музыкальной классики пустеет с уходом "последних могилок"-С.С.Прокофьева, Д.Д.Шостаковича, А.И.Хачатуряна, Д.Б.Кабалевского, Г.А.Свиридова. Знатоки считали последним великим композитором Альфреда Шнитке, ушедшего в этом году.

Скажем еще о живописи. Поразительно щедр на гениев прошлый век и в этом отношении. И.Е.Репин, В.И.Суриков, В.М.Васнецов, К.П.Брюллов, А.А.Иванов, В.Г.Перов, А.Н.Крамской, И.И.Левитан, И.К.Айвазовский, В.В.Верещагин, И.И.Шишкин, В.Д.Поленов. На переломе эпох - М.А.Врубель, М.Шагал, К.С.Петров-Водкин, русский авангард. Теперь спроси образованного человека, не искусствоведа, кто в России известный художник, назовет И.С.Глазунова, а напрягши память, добавит А.М.Шилова.

Читатель, знающий больше о скульптуре, архитектуре и других видах художественного творчества, усмотрит повсюду ту же тенденцию. Может быть, земля русская не оскудела пока талантами, но на гениев ей уже явно не достает плодородия. И единственное, что способно еще утешить ревнивого патриота - *то же самое прослеживается во всех других великих национальных культурах*. Это не заболевание какой-то одной страны и народа. Это - *болезнь века*, признак надвигающегося (продолжающегося, углубляющегося?) упадка.

Заранее прошу извинения, если, назвав кого-то или, напротив, умолчав о ком-то, задену чьи-то устоявшиеся представления о "иерархии" национальных гениев. Вопрос этот бесконечно деликатный, и я смею лишь обозначить тенденцию, оставляя глубокий анализ специалистам.

Начав с Германии, спросим, есть ли сейчас в ней хоть один писатель или поэт такого масштаба, как Гёте, Шиллер, Гейне, Т.Манн, Рильке; композитор, как Бетховен, Шуман, Вагнер, Мендельсон, Брамс? В Англии -равный Скотту, Байрону, Диккенсу, Теккерею, Шоу? Во Франции -композитор, который мог бы соперничать с Берлиозом, Гуно, Масне, Визе, Равелем; писатель - со Стендалем, Бальзаком, Гюго, Дюма, Флобером, Золя, Франсом, Ролланом; художник - с Давидом, Делакруа, Курбе, Мане и другими импрессионистами? Кто в итальянской музыке может претендовать на лавры Россини, Верди, Пуччини, Беллини, Леонковалло, Паганини? Кого в современной американской литературе уместно "уравнять" с Э.По, Купером, Твенном, Мелвиллом, Драйзером, Лондоном, О.Нилом, Фолкнером, Хемингуэем? Поставим вопрос иначе: много ли сейчас в мире людей, безоговорочно признаваемых гениями в литературе, музыке, живописи, других искусствах? Боюсь, даже при самом расширительном толковании понятия "гениальное", с натяжкой могут быть названы два-три имени.

Но может быть, проблема сформулирована некорректно? Ведь признание нередко приходит "post mortum". Да, так бывало. Однако главным образом из-за крайне медленного распространения информации. После изобретения книгопечатания такое случалось редко. Практически все названные выше творцы *были признаны гениями при жизни*. В наше время, когда любая оригинальная и плодотворная идея в считанные дни становится известной во всех уголках мира, явление гения не осталось бы незамеченным, как не остался незамеченным роман Габриэля Гарсиа Маркеса "Сто лет одиночества".

Единственное, чем возвысился в "Царстве муз" наш век по сравнению со своими предшественниками, - это кинематограф. Появилась надежда, что искусство не падет в неравном соперничестве с техникой -напротив, их альянс породит новые формы самовыражения и развития духовной сущности человека. Увы, последние десятилетия не внушают оптимизма. И на экране

дает о себе знать общая тенденция упадка культуры. Пока еще нет недостатка в "звездах", а вот равных Эйзенштейну, Чаплину, Феллини, Бунюэлю, Ренуару, Курасаве и другим ушедшим великим маэстро не видно. Да и откуда им взяться, если самым выгодным занятием становится производство "мыльных опер".

Как ни горько это сознавать, на исходе XX века "большая культура" все больше перемещается в библиотеку, музей, архив, хранилище, досье. Там сейчас жемчужины музыки и литературы, живописи и скульптуры - все то, что зовется классикой. Нового "соразмерного" ей искусства современное общество уже не в состоянии производить. Хорошо еще, что оно пока ценит, точнее, "доценивает" старое.

Культура в истинном смысле есть не грамота, не знание и даже не потребление созданных кем-то когда-то ценностей, а творчество как непрерывный процесс самопознания человека и постижения окружающего мира. С этой точки зрения, прекращение творчества или его увядание, "вторичность" есть признаки вырождения. Ограничиваться сохранением шедевров в коллекциях - значит постепенно уподобиться дикарям, обожеествляющим упавший с неба амулет. Поклоняться ему они могут, а сами создать нечто подобное, увы, не в состоянии.

В таком "созерцательном" положении мы находимся и по отношению ко всем великим мировоззренческим учениям. Христианство, мусульманство, буддизм, иудаизм, синтоизм и другие религии, даже их секты и ереси, - это продукт творчества далеких предков. То же относится к философским концепциям, составляющим в совокупности идеологический фундамент цивилизации. До сих пор они *развивались* - от прозрений Платона, Аристотеля, Демокрита и прочих мудрецов через многовековые поиски к созданным в XIX веке универсальным системам Канта, Гегеля и других. XX век мало что придумал своего, он только проверял практическую приложимость этих систем, подтвердив одни, опровергнув другие, попытавшись без большого успеха их синтезировать. Это была весьма важная, но, по преимуществу, экспериментальная работа.

Главная причина усиливающейся творческой импотенции лежит на поверхности. Итогом XX столетия оказалось не социалистическое общество по Марксу, не общество "1984-го" по Оруэллу, не "изобильное общество" по Кейнсу. Все эти вещи прогнозы по-своему сбылись, но произвели они не конечный продукт, а только полуфабрикат исторического процесса. Финальным же его производением (по крайней мере, на сегодняшний день) стало *массовое общество*. Именно это качество является общим для всех многообразных жизненных укладов, сохраняющихся в современном мире. И наряду с другими характерными чертами (склонность к охлократии, конфликтогенность, криминализация и пр.) предопределяет снижение духовных потребностей и стандартов в области культуры, в Ошибаются те, кто полагает, что так называемая масс-культура не грозит нарушить "естественное" распределение духовных ценностей: высокое искусство для элиты, площадное для масс. Ссылаясь на то, что "так было всегда", они не учитывают радикальных перемен, связанных с созданием "масс-медиа". Сваленное в один телевизионный ящик со своим низкорожденным собратом и вынужденное подчиняться законам коммерции, для которой fuga Баха и завывание рокера - в равной мере товар на продажу, высокое искусство неизбежно будет отступать и перерождаться. Это не прогноз, а констатация факта - достаточно посидеть день у телеэкрана и посмотреть, что продается в книжных лавках. В Москве и Нью-Йорке, в Риме и Токио...

Я был бы рад ходатайствовать о присуждении Нобелевской премии тому, кто сумеет опровергнуть эту гипотезу. Ну, например, доказать, что означенная тенденция не является необратимой, просто наш мировой ковчег вступил в зону штиля. В истории бывали ведь периоды длительного спада творческой активности. Почему не предположить, что где-то впереди нас ожидает новый Ренессанс? А если этого не случится, останется утешаться тем, что отпадет проблема переизбытка художественных ценностей и потомкам не придется перенапрягать мозги освоением новой классики.

4. Прошлое и будущее - это знаки, символы. Легче всего представить их верстовыми столбами на дороге судьбы. Мы знаем, что' осталось позади, но не можем заглянуть дальше линии горизонта. Прошлое состоялось, будущее - пока лишь догадка, фантом, предвкушение. Прошлое мертво, будущее еще не родилось. Оба они существуют только в нашей памяти и нашем воображении. Реально и всемогуще одно настоящее. Оно правит бал. Каждая очередная "связка" отцов, детей и внуков решает участь рода человеческого, "дежуря" за пращуров и потомков. -"fi.X.

На дежурство нашей "тройки" выпало дьявольское испытание: впервые человечество получило способность сознательно или нечаянно совершить самоубийство. Задачей номер один стало для него не развитие, а выживание. Старшее поколение XX века пролило больше крови, чем было пролито ее за всю предыдущую историю. Но свой долг этот "караул" все же выполнил, удержавшись от ядерного апокалипсиса. А вот наследство тем, кто идет нам на смену, мы оставляем сколь богатое, столь и опасное. Нечто вроде шкатулки с бриллиантами, в поддон которой упрятана взрывчатка: стоит неосмотрительно коснуться блестящих камушков - взлетишь на воздух.

Есть ли шанс избавиться от дурного наследия, сохранив вечные ценности, без которых жизнь потускнеет и зачахнет? До сих пор решали эту проблему *бегством от действительности*. Прокрутив в голове всемирную историю, приходишь к неутешительному выводу: люди никогда не были всецело в ладах с реалиями жизни. Бежали от них к зрелищу, как римский плебс на бои гладиаторов и современные тин-эйджеры на дискотеки. Замыкались в уединенный мир грез, как поэты всех времен и народов. Прятались в своих жилищах - надменных замках и убогих хижинах. Искали отвлечения в странствиях, утешения в любви, забвения в вине и наркотиках.

Все это были попытки убежать в одиночку. В XX веке пролетариат попытался спастись от ненавистной ему действительности, уничтожив ее. Оказалось, разрушить мир насилия, значит с неизбежностью погрести и себя под его обломками, ибо- все мы, правые и виноватые, невольные обитатели этого мира.

Бегство от действительности всегда самообман - вот главный урок, который следует извлечь из опыта уходящего века. Прошлое нельзя рассматривать как неоплаченный груз, который можно в нужный момент скинуть с гондолы воздушного шара, чтобы взлететь. Его невозможно пустить в расход, некому продать, негде закопать в землю. *Его можно только преодолеть, переработать, перестроить*. Нужны не потрясения основ и не героические подвиги, а упорная, тяжелая, временами грязная, часто неблагодарная, плохо оплачиваемая почестями и богатством работа.

Ни один грамм прошлого не должен пропасть без пользы. Все стоящее может войти в будущее в прямом или преобразованном виде, стать его органичным элементом. Даже отходы ядерного топлива невозможно уничтожить - они должны пройти предписанный природой срок своего распада, возвращения в безвредное состояние. *Непригодное* сейчас может пригодиться в будущем. *Непотребное* послужит самообучению "от противного".

Но что толку в мудрости предков и уроках прошлого, если мир уже обречен и остается открытым лишь вопрос, от чего именно он погибнет -от ядерной войны или удушья ("озоновые дыры"), всемирного потопа ("парниковый эффект") или эпидемии СПИДа, перенаселенности или истощения энергетических ресурсов, С высокой степенью достоверности рисуя подступающие отовсюду угрозы, алармисты заключают обычно мистическим: "Будем надеяться!" Засим следует перечень императивов, ожидать выполнения которых можно лишь при условии, если человечество построится как воинская часть на плацу и будет беспрекословно подчиняться командам. "Если мы хотим выжить, нам следует отрешиться от эгоизма и отказаться от чрезмерного потребления ... Мы должны... Необходимо...".

Все, безусловно, хотят выжить, проблема, однако, в том, что эти пожелания и требования адресуются сознательному, просвещенному и объединенному человечеству, способному принимать ответственные решения. Но такого адресата не существует, есть, в лучшем случае, сто тысяч проникательных и совестливых интеллектуалов, перекидывающих друг другу свои мысли. И великое достижение, если хоть стотысячная их доля идет в дело.

Но, допустим, в конце концов, удастся с помощью телевидения донести эти заклинания до каждого взрослого жителя планеты - что от этого принципиально изменится? Иллюзорны надежды на то, что, осознав, каких неприятностей надо ожидать со дня на день, земляне, как один, кинутся исполнять предписания разума. Скорее всего, из грозных предостережений ученых кассандр часть сделает вывод, что грядут лихие времена и нужно позаботиться о себе и своих близких. А большинство просто отмахнется: сколько раз пророчили конец света, и ничего, пронесло, так будет и теперь.

Следует, видимо, смириться с тем, что *в предвидимом будущем дела в мире будут идти примерно так же, как до сих пор*. Возможно, будут приняты несколько новых договоров по ядерному разоружению, но одновременно атомными бомбами и ракетами обзаведутся еще

несколько государств. Возможно, будут созваны два-три экологических саммита по типу Рио-де-Жанейро, но принимаемые меры не остановят наступления пустынь, сокращения пахотных земель, увеличения выбросов в атмосферу углекислого газа и прочих факторов наступающей экокатастрофы. Возможно, удастся урегулировать некоторые вооруженные конфликты, но вместо них вспыхнут другие - тлеющих очагов для этого более чем достаточно. Возможно, будут пойманы и наказаны некоторые организаторы чудовищных террористических актов и распространители наркотиков, но пока не видно стратегии, которая могла бы положить конец терроризму и наркомании.

Иными словами, меры, принимаемые для решения глобальных и неглобальных проблем, будут, как и до сих пор, отставать от необходимых - значит, будет увеличиваться энтропия. Мы уподобляемся должнику, который из последних сил выплачивает проценты, но продолжает залезать во все большую кабалу. У него, по большому счету, только один выход - продать дом, рассчитаться полностью с кредитором и переселиться в более скромное жилище. Человечество может выжить только при двух условиях: если будет остановлен демографический рост и если страны "золотого миллиарда" откажутся от сверхпотребления ресурсов, сядут на умеренный паек.

Предположим, следующий президент Соединенных Штатов, осознав свою ответственность, предложит конгрессу и народу своей страны вспомнить правила пуританской аскезы и сократить потребление американцами всех продуктов до уровня среднестатистического жителя Земли. Он почти наверняка будет объявлен безумцем и подвергнут импичменту. Демократия, которую мы воспринимаем как замечательное достижение XX века, грозит стать непреодолимым препятствием на пути спасения человечества, потому что она замкнута в национальных границах и поневоле становится заложницей национального эгоизма.

Значит, положение безвыходное? В общем - да, если не иметь в виду одну грустную гипотезу. Это – *спасение через катастрофы*. Похоже, только они могут прерывать безвольное сползание в бездну, подталкивать к спасительным действиям. Не об этом ли говорит весь опыт XX столетия?

Первая мировая война побудила создать Лигу Наций. Хотя этот опыт оказался неудачным, он не прошел даром.

Ужас, каким обернулась Вторая мировая война, был настолько силен, что руководители держав-победительниц, оставив на время идеологические предрассудки и политический эгоизм, создали международную организацию на таких надежных основаниях, что она устояла под ледяными ветрами "холодной войны" и располагает достаточным запасом прочности, чтобы послужить миру и в XXI веке. Потрясение, испытанное во всем мире последствиями бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, сыграло решающую роль в том, что, хотя был создан огромный ядерный арсенал и проводились испытания, это оружие больше ни разу не применялось против людей. Мысль об отпечатавшемся на стене силуэте сожженного атомным взрывом человека делает немислимым повторение этого преступления.

Испуг, вызванный берлинским кризисом 1953 года, привел к установлению "красной линии" между Москвой и Вашингтоном, ряду предосторожностей против сбоев техники и других опасных случайностей.

В течение нескольких дней осенью 1963 года люди запасались продуктами, ожидая рокового момента, когда приближавшиеся к Кубе советские корабли будут встречены американскими бомбардировщиками. Тревога, охватившая мир, и тяжесть ответственности, испытанная лидерами двух стран, были настолько велики, что удалось в короткий срок заключить ряд соглашений, обеспечивающих безопасность в воздухе и на море, а свобода Кубе гарантирована без ракет с ядерными боеголовками.

Понадобился Чернобыль, чтобы резко актуализировать проблему безопасности атомной энергетики. Авторитет МАГАТЭ вырос многократно. Экспертные заключения агентства оказывают серьезное влияние на перспективу поддержки или, напротив, бойкотирования мировым сообществом тех или иных атомных проектов.

Распространение СПИДа заставило с большим уважением относиться к Всемирной Организации Здравоохранения. Рост преступности побудил многие государства, предпочитавшие опираться на собственные силы, присоединиться к Интерполу. Учащение столкновений и аварий требует принятия более эффективных мер от международных транспортных организаций. И так далее.

Напрашивается аналогия с прививкой смертельных болезней - организм не приобретает иммунитета, пока не переболеет ими хотя бы в легкой форме. Разумеется, ничего хорошего в том, что этот метод, искусно применяемый в медицине, становится в политике и экономике своего рода дубиной, заставляющей братья за ум. Этот, безусловно худший метод выживания означает поражение разума. Так дикие звери убегают от пожара, если есть куда бежать. Пока гром не грянет - мужик не перекрестится, гласит русская пословица. Ее аналоги есть, наверняка, во всех языках.

"Спасение через катастрофы", к тому же, не панацея от всех зол, поскольку **порог прививки** с каждым разом повышается. Страх быть ввергнутыми в пучину ядерной войны после Карибского кризиса привел к разрядке международной напряженности. Но она оказалась недолговечной. Дьявол взялся за свое, выветривая страх из хилой памяти престарелых руководителей сверхдержав. Успешно запущенный общеевропейский процесс не помешал утыкать Европу, с одной стороны - ракетами СС-20, а с другой - першингами и крылатыми ракетами. Мир вновь был подведен к пропасти, и только отчаянно смелые инициативы Горбачева, встретившие после некоторых колебаний отклик у Рейгана, позволили отделаться на этот раз легким испугом.

Какие же героические усилия понадобятся на следующий раз и какой ценой будет достигнуто очередное спасение через катастрофы! На этот вопрос в свое время ответил Герберт Уэллс - человек, наделенный сверхъестественной проницательностью. В романе "Освобожденный мир", написанном в 1913 году, рассказывается, как великие державы, вступив в смертельную схватку, впервые применили атомное оружие (Уэллс описал "ядерный гриб" так, словно видел его собственными глазами). После того, как добрая треть мира разрушена и уничтожены сотни миллионов людей, воюющие стороны пришли в ужас и согласились остановить побоище. Представители всех государств съехались на конференцию, где было сочтено необходимым создать мировое правительство, чтобы разумно распорядиться сохранившимися ресурсами, спасти оставшихся в живых, поднять мир из развалин.

Мини-катастрофы - это своего рода запасные тормоза, встроенные в двигатель нашего мира. Они автоматически включаются, когда он несется, не разбирая дороги, к пропасти. Но даже эта уловка "конструктора" не поможет, если те, у кого в руках руль, проигнорируют последние предостережения или не смогут убедить людей в необходимости пойти на жертвы во имя спасения будущего.

Плохо, очень плохо, что мир одолевает масс-культура, что не являются на свет новые гении в литературе и искусстве. Но у нас есть хотя бы созданные до сих пор шедевры. А вот одним наследием великих лидеров прошлого не обойтись. **Лидеры нужны живые.**

Притом не просто правители - президенты, короли, императоры, султаны, первосвященники, партийные боссы. Тем более - не диктаторы, деспоты, тираны. Не пророки и прорицатели абсолютных истин. Не поводыри слепых. Нужны незаурядные личности, способные понять веления времени, прорвать паутину предрассудков, проложить оптимальный курс. И главное - внушить к себе доверие.

Умных людей вообще пруд пруди. Среди них, вероятно, каждый десятый имеет свою концепцию, как облагодетельствовать страну, а каждый сотый знает, что нужно для выживания человечества. Надо думать, не один из них сумел бы воплотить свои замыслы на практике. **Но вот сделать свою веру всеобщей - дано только лидеру.**

Уходящий век выдвинул много выдающихся лидеров - харизматических революционеров, мудрых реформаторов, благородных духовных наставников и просто талантливых администраторов. Но если бы предложили назвать одного, чей тип, структура личности больше всего отвечает сегодняшней потребности, следовало бы остановиться на Махатме Ганди. Этот человек всем набором дарованных ему от природы и приобретенных самовоспитанием качеств словно специально был сотворен для наименее болезненного, насколько возможно, решения исторической задачи, а примененный им метод ненасилия остается единственно разумным способом продвижения в будущее мира, перенасыщенного враждой и смертоносными вооружениями. Только человек такого масштаба, такой несокрушимой воли и преданности своей идее, с таким непререкаемым авторитетом мог удержать от разрушительного насилия многомиллионную массу униженных и оскорбленных, отчаянно желавших вырваться на свободу людей. Удержать от разгула, бунта, бойни и привести к победе.

Существует мнение, что всякий раз, когда ход событий делал необходимым появление определенной личности, такой человек обязательно появлялся; больше того - на заглавную роль

находилось несколько кандидатов. Увы, если так и случается, то далеко не всегда. История сильно изменила бы свое течение, случись кто-то другой на месте Цезаря, Наполеона, Петра Великого, в роли Ленина, Рузвельта, Черчилля, Де Голля и других лидеров, оказавших наибольшее влияние на ход событий в XX столетии. Финал века, прокладывающий мост в следующее столетие, связан с именем Горбачева, его новым мышлением, в центре которого идея взаимозависимости мира и все тот же метод ненасилия.

В разные эпохи будущее смотрится по-разному: ясным и туманным, многообещающим и мрачным. Сегодня оно выглядит тревожным. Даже если где-то впереди раскинулся благодатный оазис, путь к нему пролегает через большие испытания и труды. И ни в чем так не нуждается сейчас род людской, как в лидерах, способных провести его через пески тревожного времени.

5. Буквально всё на стыке тысячелетий тянется к соединению, консолидации, целостности. Царит оживление на строительстве Вавилонской башни. Кто только не трудился на этом поприще! Завоеватели тщились объединить географическое пространство и людскую массу мечом. Больше преуспели создатели вероучений и творцы художественных ценностей. Особенно отличились мореплаватели и изобретатели. Но самым властным объединителем стал общий враг - нависшие над человечеством смертельные угрозы. От них не спастись иначе, как единой волей, общим разумом, согласованным действием.

Достанет ли у нашего "караула" мужества и сознания ответственности выполнить выпавшую на его долю миссию – ***не дать порваться связи времен в настоящем!***

Ибо "... завтрашний день сам позаботится о себе: довольно для каждого дня своей заботы" (Матфей VI, 34).